

Даля Трускиновская

Сказка о каменном талисмане

«Автор»

1996

Трускиновская Д. М.

Сказка о каменном талисмানে / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
1996

© Трускиновская Д. М., 1996

© Автор, 1996

Далия Трускиновская

Сказка о каменном талисмани

Дошло до меня, о счастливый царь, что был среди островов Индии и Китая некий остров, и назывался он Шед. И правил некогда тем островом царь по имени Нур-ад-Дин, и был у него брат по имени Бедр-ад-Дин, от одного отца, но от другой матери. И был этот Бедр-ад-Дин скуп, коварен и завистлив, а Нур-ад-Дин был щедр, благороден и справедлив. И он правил своим островом, и люди благодарили Аллаха за то, что он послал им этого царя.

А у Бедр-ад-Дина был советник, злой и лукавый, плешивый урод, подобный пятнистой змее. Звали этого советника аш-Шаббан, и он знался со звездочетами, и магами, и колдунами, и ворожеями.

Как-то раз призвал к себе аш-Шаббан звездочетов и магов, чтобы они совершили гадание, и дал им кошельки, набитые динарами, и тюки тканей, и коней, и невольников. И звездочеты и маги смотрели на звезды, и читали гадательные книги, и раскидывали гадательные кости, а потом объявили аш-Шаббану:

– Твоему повелителю, брату царя Бедр-ад-Дину, Аллах посылает единственную в его жизни ночь, чтобы он мог стать властелином острова. Звезды с заката и до рассвета будут благоприятствовать его замыслам. И если хочет он низвергнуть брата и занять его место, то нет для этого ночи, кроме завтрашней!

А аш-Шаббан, с ведома Бедр-ад-Дина, заранее подкупил стражу левой стороны и стражу правой стороны, и начальника над рабами, и визирей, и городских кади, и взял с собой отряд воинов, и пришел ночью в царский дворец, чтобы пленить царя Нур-ад-Дина и бросить его в темницу, а потом ослепить и оставить там до скончания его дней.

Но Нур-ад-Дин с верными ему воинами заперся в башне, а когда наступил рассвет и власть этой ночи над его судьбой иссякла, он сумел скрыться из башни, и убежал в горы, и поселился в пещерах на восточном берегу острова, и жил там, и ездил на охоту, и привозил добычу, а бывшие с ним и его воинами женщины собирали плоды.

А у царя были две жены, Умм-абд-Аллах и Кутт-аль-Кулуб. И от Умм-абд-Аллах у него был сын, царевич Джаншах, а от Кутт-аль-Кулуб – дочь, царевна Бади-аль-Джемаль. И жены царя разделили с ним изгнание, и взяли детей с собой, и поселились с ними в пещерах. И дети росли вместе, и любили друг друга, и царь брал их обоих с собой на охоту. А Бади-аль-Джемаль была маленьким ребенком, и ей еще не закрывали лица. И царь Нур-ад-Дин сажал девочку перед собой на седло, и учил ее различать следы диких животных, и держать лук, и владеть ножом. И царевна в годы изгнания была его утешением и утешением всех, кто жил с царем в пещерах.

Прошло немало лет, и царевна выросла, и научилась владеть оружием, и скакать на конях, и погружаться в море ночного боя. А когда ей минуло четырнадцать лет, Нур-ад-Дин дал ей воинов, и поставил ее во главе отряда, и она вместе со старшим братом совершала набеги и привозила добычу.

А потом царь умер, и сын его Джаншах послал гонца к родственникам своей матери и осведомил их об этом деле и о своем изгнании. А Умм-абд-Аллах была из царского рода, и ее братья, узнав о ее бедственном положении, поклялись, что окажут ей помощь. Они собрали войско, и посадили его на корабли, и прибыли на остров Шед, чтобы захватить его, и сделать Джаншаха его повелителем, а брата царя, Бедр-ад-Дина, заключить в темницу и ослепить.

Но когда войско, во главе которого ехали царевич Джаншах и царевна Бади-аль-Джемаль, вошло в город, Бедр-ад-Дин вышел им навстречу в одежде покаяния, и он плакал, и стонал, и молил, и каялся, проливая крокодиловы слезы. Так что Джаншах помиловал его и лишь приказал ему жить в отдалении, не показываясь ни в городе, ни в царском дворце.

И Джаншах стал царем вместо своего отца, и правил достойно, и женился на царевнах из знатных родов. А сестра его, Бади-аль-Джемаль, жила вместе с ним, и он любил ее сильной любовью, и исполнял каждое ее желание, а она сопровождала его, когда он ездил на охоту. И Джаншах дал клятву, что отдаст ее в жены лишь тому, кто придется ей по нраву. Но царевне были по нраву лишь арабские кони, и дамасские клинки, и кольчуги, тонкие, как сетчатая александрийская рубашечка танцовщицы, и скачки по пустыне, и метание дротиков. И когда она выезжала со своими воинами, в парчовом кафтане, с открытым лицом, гибкостью заставлявшая устыдиться ветвь ивы, – она была как отрок четырнадцати лет, о котором сказано:

О, как строен он! От волос его и чела его
Свет и мрак на людей нисходят.
Не хулите же точку родинки на щеке его —
Анемоны все точка черная отмечает.

И к ней сватались цари разных стран, но она не хотела расставаться с братом.

Когда Джаншах слетал с коня и погружал нож в горло затравленной антилопе, а я оттащивала за ошейник мордастого разъяренного пса, то я встречала мгновенный торжествующий взгляд брата, взгляд победителя, и в душе повторяла клятву, которой мы поклялись друг другу в ночь накануне похода. Мы поклялись умереть друг за друга, и тогда же он подарил мне саблю отца – дамасский клинок с рукоятью, украшенной шестью бадахшанскими рубинами, с узором виноградных листьев по стали и с ножнами, которые завершала собой золотая виноградная кисть.

Когда мы ночью вступали в город, наши кони шли рядом и наши колени соприкасались. Мне хотелось лишь одного – чтобы вовеки не кончалась эта ночь, чтобы мы всю жизнь ехали ночным городом, не обращая внимания на шум коротких схваток и пляску бешеных факелов. Ведь мы возвращались в этот город с победой! И только тогда, в седле, и было у меня подлинное ощущение победы. А потом, когда у конских копыт раздирал свои покаянные одежды дядюшка Бедр-ад-Дин, и когда являлись во дворец шествия горожан, и ремесленников, и купцов, и даже метельщиков городского базара, с дарами и подношениями, все было уже скучно и нелепо...

Очевидно, мне следовало родиться мальчиком, и быть любимым братом своего сурового брата, а не любимой сестрой. И никто не укорял бы его за то, что он позволяет мне появляться на людях в мужском платье.

Но он не обращал на это внимание, и я – тоже.

Вот такой сестрой наделил Джаншаха Аллах, и, как оказалось потом, в этом была немалая мудрость. Ибо дальнейшие события показали, что и царским дочерям не грех владеть саблями. А уж этому мастерству я была обучена с детства! И тайная моя мечта стать мужчиной едва не осуществилась самым неожиданным и прискорбным образом.

Так жил царь Джаншах, и люди благословляли Аллаха под его владычеством, но все его жены и наложницы не родили ему детей, и это омрачало его дни и угнетало его.

Но вот однажды ночью царь почувствовал стеснение в груди и встал, и велел слугам позвать к себе начальника удалцов правой стороны Садреддина ибн Яхью, и преданного ему евнуха Мамеда, и послал Мамеда в гарем, где вместе с женами жила и царевна Бади-аль-Джемаль, и там ей были отведены лучшие покои, и назначены невольницы и слуги. И Бади-аль-Джемаль пришла на зов старшего брата, и он велел ей облачиться в мужской наряд, и все четверо вышли из дворца и отправились на прогулку.

И они пришли в предместье за рекой, – а там жили купцы, – и пошли по улице, на которой стояли дома купцов, пошли мимо стен их домов и оград их садов, и вдруг видят – ворота одного сада приоткрыты. И оттуда до них донесся голос, произносивший такие стихи:

Прекраснее месяца, глаза насурьмив, она,
Как лань, что поймала львят, расставивши сети.
Ее осенила ночь в прекрасных кудрях ее
Палаткою из волос, без кольев стоящей.
Когда бы красавицы времен ее видели,
То встали б и крикнули: «Пришедшая лучше!»

И услышав этот голос, царь Джаншах заглянул за ворота, и увидел сад прекраснейший из садов, в глубине которого была занавеска из красной парчи, окаймленной жемчугом, а за занавеской – четыре невольницы, и между ними девушка, подобная светлой луне, и у нее были черные глаза, и груди подобные двум гранатам, и она покоряла сердца стройным станом и тяжелыми бедрами. И Джаншах вошел в сад, следом за ним вошли Садреддин ибн Яхья, Мамед и Бади-аль-Джемаль.

А девушка, увидела их и положила лютню, что держала в руке, и обратилась к ним с такими словами:

– О человек, что дало тебе смелость войти в дом, тебе не принадлежащий, и к девушкам, не принадлежащим тебе, без разрешения их обладателей?

– О госпожа, – почтительно ответил Джаншах, – я увидел этот сад, и мне понравилась красота его зелени, благоухание его цветов и пение его птиц. И я вошел в него, чтобы в нем погулять с часок, а потом я и мои спутники уйдем своей дорогой.

– С любовью и охотой! – сказала на это девушка, и дала знак невольницам, и они принесли столик, уставленный всевозможными кушаньями: перепелками, птенцами голубей и мясом баранов.

И Джаншах с девушкой сели к столу, и ели, и пришла невольница с кувшинами, и стала поить их вином, и Садреддин опьянел, и стал петь песни, а евнух Мамед взял у невольниц бубен и стал бить в него. А потом невольницы приготовили красивую комнату, и Джаншах пошел туда с той девушкой, и было между ними то, что было.

Наутро же они простились, и царь со своими спутниками вернулся во дворец, и послал той девушке дары, и навестил ее потом еще два или три. И прошло три месяца, и она убедилась, что понесла дитя, и известила об этом Джаншаха, и он обрадовался великой радостью, и послал той девушке дары, и Бади-аль-Джемаль тоже обо всем узнала, и тоже обрадовалась, ибо она горевала из-за отсутствия детей у брата. И решено было скрывать это дело в тайне.

Но Бедр-ад-Дин, дядя царя, и его советник аш-Шаббан, которые жили в отдалении от города, призвали магов и звездочетов, и те, глядели в гадательные книги, и сверялись со звездами, и гадали по бобам и печени убитых птиц, и по песку. И они узнали, что в скором времени у царя Джаншаха родится сын. И один из них, наиболее умудренный опытом, высчитал, каково будет расположение звезд в час рождения ребенка. И тут оказалось – жизнь этого ребенка и жизнь Бедр-ад-Дина связаны между собой, и если будет жить ребенок, то умрет Бедр-ад-Дин, а если будет жить Бедр-ад-Дин, то неминуема смерть ребенка. И оказалось еще, что жизнь дитяти может спасти лишь каменный талисман, ранее принадлежавший царице Балкис, и если при рождении сына царя Джаншаха этот талисман не будет его охранять, то жизнь младенца повиснет на волоске.

И услышав обо всем этом, Бедр-ад-Дин задумался, а советник аш-Шаббан сказал ему так:

– Да просветлится твой омраченный дух, да обрадует тебя Аллах, о Бедр-ад-Дин! Разве не для того узнали мы об этом деле, чтобы вмешаться и обратить все себе во благо? Встань, собери своих слуг, открой свои сундуки с сокровищами! Мы непременно должны нанять на эти деньги отряд воинов, и ворваться ночью во дворец Джаншаха, и войти в его гарем, и отрубить головы всем его женам и наложницам! Таким образом твоя жизнь будет спасена, и ты станешь

царем этого острова, о Бедр-ад-Дин, а я стану твоим визирем, и мы будем править по милости Аллаха долго и счастливо!

И Бедр-ад-Дин, подумав, признал, что это – единственный способ не допустить рождения сына Джаншаха. И они пошли в сокровищницу, и открыли сундуки, и дали слугам кошельки с динарами, и послали надежных людей собирать отряд, и вот что с ними было.

А Джаншах ни о чем не подозревал и радовался тому, что у него наконец появится сын.

Эту девушку в саду звали Зумруд, и, конечно, была она уже не девушкой, а купеческой женой, которая из-за отсутствия мужа заскучала и решила развлечься. Если ночью ворота сада в предместье открыты, и нет никого на страже, и оттуда слышны женские голоса, и музыка, и смех, то это – словно надпись над входом: «Вошедшему все дозволено!»

В ту ночь я даже не разглядела как следует эту Зумруд, мне после долгой прогулки безумно хотелось спать и я заснула на ковре в саду, когда она усадила брата играть в шахматы. По-моему, партия в шахматы при луне, когда уже недалеко до рассвета, – полнейшее безумие, но, говорят, это обычная уловка женщин, желающих благовидным образом взять плату за вход в свой сад. Разумеется, играют на определенный заклад, и мужчина поддается из любезности. Очевидно, так оно и было, – ведь я уже спала, когда они закончили партию, а утром меня разбудил Мамед. Вдвоем мы насилу растолкали Садреддина ибн Яхью, привольно раскинувшегося между двумя невольницами, и вызвали из дома моего брата, Джаншаха, который вышел бодрый и весьма довольный.

Могла ли я подумать, что в одну из страшнейших ночей моей жизни буду скакать на коне по улицам предместья, разыскивая ворота этого сада и дом этой женщины!

Весь день мы с братом провели на охоте, и он поехал в город раньше, потому что его ждали дела, а я осталась, чтобы присмотреть, как соберут и погрузят на мулов добычу. А потом, отправив добычу во дворец, я оставила при себе только двух воинов своей свиты и отправилась домой неторопливо, потому что выдался чудесный вечер, и с нами была корзина султанских персиков и миндальных абрикосов, и вообще мне хотелось побыть одной в тишине. Потому я ехала впереди, держа перед собой корзину, а мои воины ехали сзади и шепотом рассказывали друг другу какие-то занимательные истории.

Уже давно стемнело, когда мы приблизились ко дворцу. И еще издали поняли, что там творится что-то неладное. На площади перед ним собралась толпа, вдоль стен носились всадники, в окнах мелькали огни, словом, было очень похоже на ту ночь, когда мы спасались отсюда бегством.

– О Маруф! – обратилась я к одному из своих воинов. – Поезжай и разузнай, что там такое творится!

Сама же я укрылась в одном из переулков и стала ждать своего гонца.

Вернулся он очень скоро, пешком и в разорванной одежде.

– Спасайся, о госпожа! – крикнул он, хватаясь за сбрую моего коня и разворачивая его в переулке. – Да поможет тебе Аллах, твой брат убит, и весь его гарем убит, и воины подлого пса, твоего дяди Бедр-ад-Дина гонятся за наложницами твоего брата и отрубают им головы!

– О Аллах, при чем тут наложницы моего брата? – воскликнула я. – Что это за безумие? Откуда ты успел узнать все, о Маруф? Ты же еще не был во дворце!

– Я был у самых ворот! – сказал маруф. – Все дело в ребенке! Я Бей этих развратниц! Теперь уже у этого нечестивого пса, царя Джаншаха, никогда не родится сын!»

– Послушайся Маруфа, о госпожа! – вмешался тот из моих воинов, что ждал вместе со мной в переулке. – Он не станет тебе лгать. Во имя Аллаха, беги! И дай мне свой плащ, а сама возьми мой. Ведь если Бедр-ад-Дин и этот шелудивый пес, аш-Шаббан, истребляют весь твой род, то они ищут и тебя!

Я позволила ему накинуть мне на плечи белый плащ и, плохо понимая, где нахожусь и что со мной происходит, подтолкнула коня пятками.

Но Маруф удержал меня.

– Скачи к развалинам мечети, что у источника, о госпожа, – сказал он мне, – и жди нас там, а мы попытаемся узнать, почему погиб твой брат, царь Джаншах, и что значит казнь его жен и наложниц!

– Но если нас не будет до рассвета, скрывайся, как знаешь, о госпожа, – добавил второй, а звали его Данияль. – Это значит, что по воле Аллаха нас больше нет среди живых.

И тогда Маруф отпустил моего коня, а Данияль хлестнул его плетью.

Я поскакала по переулку, и он окончился, и я поскакала по другому переулку, и конь нес меня по ночному городу, а по моим щекам текли слезы, ибо я лишилась всего на свете – брата, которого любила больше отца и матери, и дома, и царских богатств, всего, всего...

У мечети я соскочила с коня, бросилась наземь и зарыдала так, как никогда еще в жизни не рыдала. И я знала, что если Аллах будет ко мне милостив, и я останусь в живых, это – мои последние в жизни слезы. Потому я не жалела их, оплакивая брата, и женщин, с которыми жила под одним кровом, и наше бывшее могущество.

Когда к мечети подъехал всадник, я вскочила на ноги и положила руку на рукоятку сабли. Все, что у меня оставалось – эта сабля, подаренная братом, да те немногие украшения, что были на мне, когда я выезжала на охоту.

– Это я, Данияль, о госпожа, – с этими словами раненый всадник сполз с коня.

– Я перевяжу тебе рану, о Данияль, – сказала я, опускаясь рядом с ним на колени, – а ты Расскажи, что тебе удалось узнать. И не думай, что слезы и волнение помешают мне слушать тебя. Я дочь царей и сестра царя!

– Тогда слушай меня, о госпожа. Я не ждал от тебя иного ответа... – прошептал Данияль. – Все дело в предсказании. Бедр-ад-Дину, да не помилует его Аллах, было предсказано, что он умрет в тот день, когда у твоего брата родится сын! И ему стало известно, что вскоре это случится! Вот почему он ворвался во дворец, и убил царя Джаншаха, и расправился с его гаремом!

Тут мы услышали стук копыт.

– Это за мной, – сказал Данияль. – Мне удалось опередить их, но ненамного. Они узнали, что я из твоей стражи, о госпожа! Беги, беги, Аллах да будет твоим покровом!

Я стала поднимать Данияля на ноги.

– Я не оставлю тебя этим собакам! – сказала я ему. – И если ты не в силах держаться в седле, я перекину тебя через конскую спину и увезу!

– Я непременно умру возле этой мечети, ибо такова воля Аллаха! – отвечал Данияль. И не успела я опомниться, как он достал кинжал и приложил его к груди. – Беги, о госпожа! Даже если эти предатели и не станут меня убивать, я все равно умру от раны. Беги, скрывайся!

И он вонзил в себя кинжал.

Так я осталась совсем одна. И из всего прежнего величия остались при мне только отцовская сабля, конь Абджар и еще мужской наряд, который стоил немалых денег.

Поправив лук и колчан со стрелами за спиной, я вскочила на коня, и вовремя – те, кто гнался за Даниялем, были уже совсем близко, я уже слышала их голоса.

Спрятавшись за развалинами мечети, я видела, как они окружили тело Данияля, осветили его факелом, посовещались и поехали прочь.

А я поскакала в предместье за рекой – туда, где жила Зумруд, будущая мать моего племянника.

Поскольку все это время муж Зумруд был в отъезде, мой брат не мог заставить его дать Зумруд развод и забрать ее в свой гарем. И таким образом обо всем этом деле знали только я, да евнух Мамед, да Садреддин ибн Яхья, да сама Зумруд, да ее невольницы.

И вот теперь, разыскивая впотьмах дом Зумруд, где я и была-то всего только раз, я думала – проведает ли изменник и предатель Бедр-ад-Дин о Зумруд и ее будущем ребенке, скажет ли

ему об этом Мамед, купит ли он эту тайну у Садреддина ибн Яхьи, а, может, какая-либо из невольниц Зумруд захочет получить свободу и приобретет ее столь недорогой ценой?

И Мамед, и Садреддин ибн Яхья при жизни моего брата Джаншаха были ему преданы, но я уже знала, что значит преданность придворных, мне уже приходилось однажды спастись бегством. И я знала, что в таких случаях следует рассчитывать только на себя.

Если бы брат, умирая, мог увидеть меня, он сказал бы мне: «Спасай моего сына, а Бади-аль-Джемаль!». И даже если бы ребенок Зумруд не имел никакого отношения к моему брату, довольно было бы того, что его рождение означает смерть предателя Бедр-ад-Дина!

Двери, конечно, были закрыты, Зумруд уже не расставляла сети полночным гулякам. Я с трудом разбудила раба-привратника. Он долго не мог понять, что перед ним посланец сестры царя, Бади-аль-Джемаль. Дом стоял в предместье за рекой – здесь еще спали спокойно, не зная, что дворец захвачен и что до дворе рубят головы царским женам, одна из которых может случайно оказаться будущей матерью царевича!

Устав тратить время на уговоры, я сократила пустые речи и обнажила кинжал. Это подействовало. Раб поднял переполох, вышли другие рабы и в конце концов шум разбудил хозяйку, а я этого и добивалась.

Возмущенная Зумруд вышла на шум.

– Кто это врывается в дома правоверных? – сердито воскликнула она. – О соседи, на помощь!

– Молчи, о Зумруд, – сказала я, – и взгляни на меня внимательно! Помнишь ли ту ночь, когда двери твоего сада были открыты для царя Джаншаха? И помнишь ли ты мальчика, который уснул на ковре в саду под звон твоей лютни?

– Да, я узнаю тебя, – ответила Зумруд, – но почему ты врываешься в мой дом среди ночи, и угрожаешь моим рабам, и пугаешь моих невольниц?

– Потому что я – сестра царя Джаншаха, Бади-аль-Джемаль! – воскликнула я. – И царь убит, и во дворце хозяйничают враги и предатели, а я примчалась сюда, чтобы спасти тебя, о Зумруд, и то дитя, которое ты носишь во чреве! Ибо всем нам угрожает смертельная опасность!

Тут начался переполох. Крика и воплей было – как будто ветром сорвало крышу с женской бани...

Наконец, завернутую в изар Зумруд посадили на круп моего коня, и дали ей узелок с вещами, и еще узелок с едой.

– Я отвезу вашу госпожу в надежное место и вернусь, – пообещала я домочадцам Зумруд. – И если из дворца придут искать ее, а кто-то из вас осведомит погоню о событиях этой ночи, – я узнаю, кто это, и проживет он не больше времени, чем нужно сабле для замаха и удара!

И в одну из ночей Бедр-ад-Дин приказал своим воинам, и они ворвались во дворец, и убили царя Джаншаха, и отрубили головы его женам и наложницам. А царевны Бади-аль-Джемаль в это время не было во дворце, и она узнала о смерти брата, и о предсказании мудрецов, и села на спину коня, и поехала в предместье, где жила Зумруд, и взяла ее, и увезла прочь от города.

И они ехали до рассвета, и приехали на берег моря. А там была пристань, и чтобы добраться до нее, нужно было преодолеть перевал в горах, и Бади-аль-Джемаль въехала на перевал, а Зумруд сидела у нее за спиной, и они увидели, что с одной стороны у них – море, и пристань, у пристани стоят корабли, и на одни из них носят груз, а другие освобождают от груза. А со второй стороны перевала были горы, и равнина, по которой они прискакали сюда, и по равнине мчался отряд всадников в белых плащах, и в руках у них были дротики и копья. И Бади-аль-Джемаль поняла, что это Бедр-ад-Дин выслал погоню за ней и за Зумруд. И она ударила коня пятками по бокам, и конь спустился с перевала, и Бади-аль-Джемаль привезла Зумруд на спине своего коня к пристани, и вдруг они видят, что один корабль уже готов к

отплытию. И тогда царевна подъехала к нему, и спросила капитана, не возьмет ли он еще двух путников, но капитан отвечал, что свободного места на судне больше нет, и что он ждет лишь купца, который должен привести и ввести на корабль своих невольниц, а как только это случится, якорь будет поднят и паруса наполнятся ветром.

Когда же оказалось, что корабль этот – единственный, готовый в путь, а другие собираются отплыть кто – завтра, а кто через неделю, Зумруд увидела, что положение ее безнадежно, и стала плакать, и рвать на себе волосы, и царапать себе щеки, потому что погоня, посланная за ней и за царевной Бади-аль-Джемаль была уже близка, и воины поднимались к перевалу, и их кони были еще свежи и полны сил, а конь царевны устал, так как он нес двойную ношу.

И вдруг царевна и Зумруд видят – к кораблю идет купец, и невольники несут тюки с его имуществом, а за невольниками идут закутанные в изары невольницы, сорок без одной.

– Утри свои слезы, – сказала тогда царевна, обращаясь к Зумруд. – Я непременно устрою хитрость с этим купцом и с этим капитаном, чтобы спасти тебя!

И Бади-аль-Джемаль сошла с коня, и подошла к купцу, и приветствовала его. А он видел, что она в мужском платье, и что на поясе у нее сабля, а за спиной лук и колчан, и лицо ее открыто, и подумал, что это – юноша, сын четырнадцати лет.

– Послушай, что я скажу тебе, о купец, – обратилась к нему Бади-аль-Джемаль, – и пусть это станет основой твоего благополучия! Я сын кади из столичного города, и у него не было другой жены, кроме моей матери, и они жили двадцать лет в любви и согласии. А потом мой отец в один из дней проходил по базару, и увидел, что посредник предлагает купить красивую невольницу, о посмотрел на нее, и страсть к невольнице запала в его душу. И он купил ее, и она вошла в наш дом, и в короткое время овладела его чувствами, так что он целыми днями сидит у нее в комнате и выходит лишь к молитве. И моя мать расстроилась, и заболела, и лицо ее пожелтело. И она призвала меня к себе и сказала: «О Хасан, нет для нас иного пути, кроме хитрости. Возьми эту проклятую, отведи на базар и продай с тем условием, чтобы ее увезли с нашего острова. И чем дальше купивший увезет ее, тем ниже пусть будет цена! А твоему отцу мы скажем, что она убежала с рабом из соседских рабов». И вот я привез невольницу, и нет здесь никого, кроме тебя, кому бы я мог предложить ее.

– Сам Аллах поставил меня на твоём пути, о юноша! – отвечал купец. – Я везу невольниц так далеко, что один путь займет четыре месяца. Я везу их в Багдад, где надеюсь продать за хорошую цену во дворец повелителя правоверных. И если ты уступишь мне эту невольницу по малой цене, она окажется так далеко отсюда, что твоему отцу невозможно будет найти ее, и не останется у них пути к сближению, о юноша!

И Бади-аль-Джемаль открыла перед купцом лицо Зумруд, и купец остался доволен, и они условились о цене, и Бади-аль-Джемаль продала Зумруд этому купцу, и он взял ее за руку и повел на корабль. Но Бади-аль-Джемаль попросила у него разрешения сказать несколько слов Зумруд, и отвела ее в сторону, и дала ей с собой немного денег, потому что у царевны было их при себе мало. А потом Бади-аль-Джемаль сняла с руки запястье, и было оно украшено камнями и серебряными листьями тонкой работы, и тот, кто раз в жизни видел это запястье, узнал бы его среди тысячи. И Бади-аль-Джемаль разломила его на две половины, и одну дала Зумруд, а другую взяла себе, чтобы половинки запястья служили им тайным знаком в превратностях времен. И тут капитан корабля закричал, что судно готово к отплытию, и купец заторопился, и взял Зумруд, и повел ее на корабль, и другие невольницы пошли следом.

А погоня, посланная Бедр-ад-Дином за Бади-аль-Джемаль, уже преодолела перевал, и воины видели, как Бади-аль-Джемаль ведет беседу с купцом, и они подтолкнули пятками коней, чтобы успеть к пристани до того, как невольницы поднимутся на корабль.

И Бади-аль-Джемаль взяла деньги, полученные от купца за невольницу Зумруд, и задержала одну из его невольниц, которая шла последней, и отдала ей кошелек, чтобы та передала его Зумруд, потому что Бади-аль-Джемаль не хотела, чтобы мать ее племянника терпела в чем-

либо нужду. И та невольница взяла кошель, и вдруг налетели всадники, и один поразил копьем ту невольницу, и она упала к ногам Бади-аль-Джемаль.

А Бади-аль-Джемаль знала, что погоня приближается, и она была готова нападать и защищаться, и она вынула саблю из ножен, и ударила того, кто убил невольницу, и поразила его в плечо. И налетел на царевну другой воин, и она ударила его саблей по руке, и он выронил копье. А купец и капитан корабля увидели этот бой, и испугались, что воины задержат корабль, и капитан приказал вытаскивать якорь, и корабль отплыл от берега.

Тогда Бади-аль-Джемаль, увидев, что Зумруд в безопасности, вскочила на своего коня Абджара и поскакала вдоль берега моря, а погоня помчалась за ней. И царевна призвала на помощь Аллаха, потому что раньше она не бывала в этих краях и не знала дороги. И она оборачивалась на скаку, и стреляла из лука, и поражала воинов стрелами. А когда они стреляли в нее, она пригибалась к седлу, и сползала то на левый бок коня, то на его правый бок, и быстро двигалась, и уворачивалась от стрел.

И вдруг из-за камня появилась большая черная собака, из охотничьих собак, и посмотрела на Бади-аль-Джемаль, как будто хотела сказать: «Иди за мной!», и побежала по дороге так быстро, как ни одна собака на свете, а царевна поскакала за ней.

И когда дорога раздвоилась, собака обернулась и поглядела на царевну, и потом она повернула вправо и побежала, оборачиваясь, а царевна последовала за собакой. И всякий раз, когда приходилось выбирать дорогу, это делала собака, а царевна ей повиновалась.

Так они скакали сперва по берегу моря, а потом между горами, и вдруг царевна видит – они в ущелье, и проход между скалами узок, и с обеих сторон нависают огромные камни, которые едва держатся на вершинах. И царевна испугалась, но собака посмотрела на нее и побежала по этому ущелью дальше. А у царевны не было выбора, она могла лишь следовать за собакой или поворачивать назад, потому что справа и слева были скалы. И она поскакала следом за собакой, и вдруг она смотрит – собаки нет. И царевна остановила коня, не понимая, куда делась собака, и стала звать ее так, как зовут охотничьих собак. А у входа в то ущелье появились всадники, и они поскакали следом за царевной, и она взяла лук, и положила стрелу на тетиву, приготовившись стрелять.

Но тут с грохотом стали рушиться с вершин камни, и иные упали на воинов Бедр-ад-Дина и убили их, а иные перегородили ущелье и тропу, что шла по нему, так что оставшимся в живых всадникам не было больше пути к Бади-аль-Джемаль. И они повернули назад и поехали прочь, оплакивая своих товарищей. А царевна поехала дальше ущельем, высматривая, где же собака, но та пропала без следа.

И царевна выбралась из горной местности на равнину и поехала куда глядят глаза, потому что вернуться на пристань она не могла из-за обвала, а другого пути к той пристани она не знала. И она ехала таким образом до вечера, а вечером увидела на вершине горы полуразрушенную башню и решила, что может там переночевать.

А в той башне жил старый мудрец, маг и звездочет, и она казалась разрушенной лишь с виду, и всякий, кто входил в его жилище, был поражен росписью стен, и коврами, и одеждой рабов, черных и белых. И Бади-аль-Джемаль была крайне удивлена, когда ввела туда за повод коня, и вдруг ей навстречу выходят слуги, и забирают коня, и ведут ее в светлую комнату, и навстречу ей выходит почтенный старец и приветствует ее!

И Бади-аль-Джемаль тоже приветствовала старца, и на его расспросы ответила, что была на охоте, и заблудилась в горах, и не знает дороги домой.

Но старец понял, что перед ним не юноша, а девушка, ибо был умудрен годами, и он усадил Бади-аль-Джемаль, и велел принести столик с ужином, и накормил ее, и напоил, а потом велел слугам принести доску и песок. И он раскинул песок, и вышло, что перед ним сидит царевна, сестра царя Джаншаха. И мудрец осведомил царевну, что ему известна ее тайна. Тогда Бади-аль-Джемаль рассказала ему, что произошло во дворце и каковы ее обстоятельства.

Мудрец велел принести свои гадательные книги, и долго смотрел в них, и рисовал на песке линии, прямые и изогнутые, и знаки, и буквы. А потом он сказал Бади-аль-Джемаль так:

– Судьба Бедр-ад-Дина воистину связана с судьбой сына твоего брата, но недостаточно спасти мать ребенка. Если в час его появления на свет его не будет охранять могущественный талисман царицы Балкис, все твои старания будут напрасны, о царевна. Талисман этот находится у мага по имени аль-Мавасиф, и он живет далеко отсюда в Облачных горах. И я могу послать к нему гонца из подвластных мне духов, и этот гонец принесет талисман, а ты тем временем живи у меня, но только никуда не выходи из башни, особенно по ночам, ибо здесь живет немало джиннов, подданных синего царя, и это племена правоверных джиннов, и они поклоняются Аллаху великому, могучему. Но все же я советую тебе проявить осторожность.

Но начертал калам – как судил Аллах! Три дня и три ночи провела царевна в башне, и рабы мудреца служили ей, и она ждала возвращения гонца. А к концу четвертого дня грудь царевны стеснилась, и она бродила по башне, пока не вышла наружу, и прошла немного, и села на землю. А там рос куст с ягодами, и царевна сорвала несколько ягод, и съела их, и ее потянуло в сон, и она легла на землю и заснула.

И когда она внезапно проснулась, то не ощутила под собой земли, и открыла глаза, и вдруг видит – ее несет по небу в объятиях джинния, и земля далеко внизу, а звезды близко.

И царевна подумала, что это – пучки пестрых сновидений, и опять закрыла глаза.

А эту джиннию звали Азиза, и у нее была двоюродная сестра по имени Марджана, а в обычае джинний из этого рода было искать себе возлюбленных среди людей. И марджана полюбила одного купца, по имени Ильдерим, и показала его Азизе, и Азиза стала искать юношу, который превзошел бы красотой Ильдерима. И она под видом шейха проходила мимо пристани, и увидела Бади-аль-Джемаль, и пленилась ее лицом и станом, и родинкой на щеке. Но Азиза не знала, что это – девушка, потому что видела ее на коне, и с саблей в руке, и Бади-аль-Джемаль наносила удары и отражала их, как один из тех бойцов, которых цари берегут на случай опасности.

И азиза полюбила Бади-аль-Джемаль, и известила об этом свою сестру Марджану, и вышел у них спор о том, чей возлюбленный лучше, и Марджана предложила принести Бади-аль-Джемаль и Ильдерима в назначенное место, чтобы сравнить их.

И это Азиза спасла Бади-аль-Джемаль от погони, обернувшись черной собакой и сбросив камни на воинов Бедр-ад-Дина, а потом она три дня кружила вокруг башни мудреца, но начертанные на стенах и над дверью знаки не позволяли ей проникнуть внутрь. Но когда Бади-аль-Джемаль отведала ягод и заснула, джинния Азиза взяла ее в объятия и полетела.

Я увидела внизу землю и поняла, что мне снится удивительный сон. То, что во сне можно летать, я знала давно, но никогда еще этот полет не был таким стремительным и высоким.

Тело мое было расслаблено, я ощущала, что меня держит в воздухе какая-то сила. Но тут я стала опускаться, приблизилась к земле и меня осторожно положили на мягкую траву. Я сквозь ресницы посмотрела, кто это выпустил меня из объятий, и убедилась, что сплю и грежу. Это была девушка, красивая и прелестная, со стройным станом и лицом, подобным луне, но только в два человеческих роста высотой. И на вид она была совсем юной.

Одновременно опустилась рядом и другая джинния, постарше, и с перепончатыми крыльями, а моя была с оперенными. Та тоже принесла в объятиях человека и уложила его рядом со мной.

– Крепко ли оба спят, о Азиза? – спросила вторая джинния.

– Пока мы не разбудим их, они не проснутся, о Марджана, – отвечала Азиза. – Ну вот, они лежат рядом и мы можем наконец сравнить их и сказать, чьи качества превосходнее. Взгляни, мой возлюбленный подобен обрезку месяца, и это про него сказал поэт:

Поклянусь щекою и уст улыбкой прекрасных я,

Нежной гибкостью и стрелою взоров клянусь его,
Белизной чела, чернотой волос поклянусь его
И бровями, что прогоняют сон от очей моих.

– Стихи поэтов – это стихи поэтов, и не более того! – возразила Марджана. – Если нам они понадобятся, мой возлюбленный не станет припоминать то, что было до него, а сам сочинит их сколько надо. Он истинный лев пустыни, копьё пророка, непобедимый боец. Он не дитя, которое проснувшись, плачет от страха и просится к матери. Он – мужчина, наилучшее создание Аллаха, о Азиза. Возможно, через несколько лет и этот мальчик милостью Аллаха тоже станет мужчиной.

– Ты ошибаешься, о злоречивая! – воскликнула тут Азиза. – Я своими глазами видела, как этот мальчик, совершенный по утонченности и изнеженности, поражал суровых воинов и саблей, и стрелами своего лука! Я не стану называть его львом пустыни, но давай дадим им обоим сейчас боевых коней, и кольчуги, и оружие, и выпустим их на ристалище, и тогда поглядим, твой победит или мой!

– И не жаль тебе этого ребенка? – ехидно осведомилась Марджана. – Ведь мой возлюбленный поразит его одним ударом и меч выйдет, блистая, из его спины!

Они еще какое-то время ссорились и пререкались, а я из природного любопытства повернула голову и незаметно поглядела, что это за лев пустыни и образец доблестей лежит со мной рядом.

И я увидела лицо из тех лиц, что поражают женщин и девушек, подобно копыю пророка, и обладатель этого лица был воистину лев пустыни, покоряющий доблестных и уничтожающий соперников. И у него были брови, подобные изогнутому луку, и зубы, подобные жемчугу, и он был заметнее, чем знамя над воинами, и глаза у него были черные, и мускусом веяло от его дыхания. И он тоже искоса смотрел на меня.

– О Аллах, за что ты посылаешь мне такие сны? – прошептал этот человек так, чтобы я могла услышать. – Ведь мне опять придется натягивать кольчугу, и садиться на спину коня, и догонять, и поражать, и нет спасения от этого бедствия!

– Кто ты, о человек, принесенный джиннией? – спросила я. – И что значат твои слова о снах, конях и кольчугах?

– Я купец из купцов Басры, о юноша, – отвечал он мне. – И имя мне Ильдерим. И Аллах покарал меня любовью джиннии, и она насылает на меня диковинные сны, и приходит ко мне под видом прекрасных девушек, и я наслаждаюсь ею, а потом вдруг просыпаюсь в своей постели, и оказывается, что все это – пучки сновидений. Но эта безумица, джинния Азиза, еще не приносила мне такого юного и прекрасного лицом соперника.

– Мне тоже показалось, что это сон, о Ильдерим, – сказала я ему. – А мое имя Хасан, и я сын кади, и моя история достойна того, чтобы быть записанной иглами в уголках глаз в назидаение поучающимся!

– А знаешь ли ты, о Хасан, что эти две развратницы сейчас разведут нас по разным концам ристалища, и дадут нам конец, и мечи, и копья, и нам придется сражаться ради того, чтобы Марджана одержала верх в соперничестве с Азизой? – спросил меня Ильдерим.

– Клянусь Аллахом, я не подниму против тебя меча, – ответила я ему. – Аллах покарает меня, если я лишу жизни обладателя таких совершенств.

– И я тоже не подниму против тебя меча, о Хасан, – прошептал Ильдерим. – Ибо впервые я вижу юношу, чья красота затмевает четырнадцатидневную луну! А судя по разговору, ты из благородных, и твоя жизнь теперь для меня драгоценна.

Но тут обе джиннии прекратили свой спор и воистину, как предсказал Ильдерим, взяли нас в объятия и разнесли по разным концам непонятно откуда взявшегося ристалища.

Но поскольку в снах все берется непонятно откуда, я уже не удивилась. И лишь загляделась на остатки сидений, и колонны, и развалины храма вдали, на холме, ибо все это, посеребренное лунным светом, видела я вокруг ристалища. И это было место, выбранное древними царями, где тысячи лет назад состязались воины колесниц, место овальное по форме, в тысячу локтей длиной.

А на другом конце ристалища Ильдерим уже стоял возле коня, и поверх кольчуги на нем был белый плащ, и кольчуга сияла из-под него как солнце, и в руке Ильдерима было копье, и сам он был стройнее самхарского копья.

– Торопись, о Хасан! – протягивая мне кольчугу, говорила Азиза. – Торопись, ибо скоро взойдет солнце, а мы, джинны, даже из рода правоверных джинов, не можем летать при дневном свете, ибо ангелы Аллаха имеют власть поражать нас днем огненными стрелами. Порази этого нечестивого, и ты получишь столько сокровищ, сколько не унесут сто верблюдов, и ты станешь моим возлюбленным, и я поселю тебя во дворце из чистого золота!

Я натянула кольчугу, и она облегла меня так, что стали видны все округлости и выпуклости моего тела, но джинния Азиза была слишком увлечена приготовлениями к поединку, и вывела из мрака коня, и достала из-за своей спины копье, и протянула мне копье и поводья. А я уже успела накинуть белый плащ, такой же, как у Ильдерима, и мы стояли на разных концах ристалища, сжимая копья, и глядели друг на друга. И я тогда дала себе клятву, что не отобью его копья, даже если оно будет нацелено прямо мне в грудь, чтобы не причинять вреда обладателю черных глаз и сходящихся бровей. И тем легче было мне давать клятвы, что я знала – еще немного, и наступит миг пробуждения, и я встану, и пойду в башню, где ждет меня старый маг, и узнаю, не принесен ли талисман царицы Балкис от аль-Мавасифа.

– Сейчас ты сядешь на коня, и мы подадим сигнал, и вы начнете съезжаться, – сказала Азиза.

И я положила руку на холку коня, желая сесть в седло, и точно так же коснулся своего коня Ильдерим, так что мы были как бы отражения друг друга, совсем одинаковые в этих белых плащах, в ослепительных кольчугах, только он был выше ростом и лицо его было обрамлено черной бородкой, какие носят молодые купцы. Но кони у нас были похожи как родные братья, и это были боевые кони с сильными ногами, и о них сказал поэт:

Вот кровный конь, со взором он гоняется,
Как будто бы судьбу догнать стремится он.
Своим он ржаньем всех волнует слышащих,
Как гром оно гремит в разгаре бури.

Мы сели на коней и начали по приказу съезжаться. Но когда уже следовало метнуть копья и обнажить мечи, Ильдерим остановил своего коня и коснулся копьем песка. Я, не зная, что он задумал, поступила так же.

А задумал он состязание в стихах, которое могло продлиться до самого рассвета, и обе джиннии были бы бессильны ему помешать, ибо обмен стихами – достоинство беседы благородных, и даже смертельные враги могут в беседе излить друг другу свою ярость стихами древних поэтов, и это будет ко всеобщему одобрению.

И тогда Ильдерим произнес стихи, которых я никогда прежде не слыхала:

Сказал я ему, когда он меч подвязал:
«Довольно ведь лезвий глаз, и острый не нужен меч».
Он молвил: «Клинок мечей влюбленным назначены,
А меч предназначен тем, кто счастья в любви не знал!»

Очевидно, он только что сочинил эти стихи, и я обрадовалась, что среди его достоинств и совершенств есть дар поэта. Но ответить я ему могла лишь чужими стихами:

Прекрасны кудри длинные лишь тогда,
Когда их пряди падают в битвы день
На плечи юных с копьями у бедра,
Что длинноусых кровью напоены!

– Превосходно, о Хасан! – воскликнула Азиза. – Прибавь еще, и да воздаст тебе Аллах!

Ильдери́м прочел два новых бейта, а я, к стыду своему, ответила ему бейтами древних поэтов. И так мы перекликались, стоя в сотне локтей друг от друга, а джиннии хлопали от радости в ладоши и требовали все новых стихов. Только и звучало: «Прибавь, о Ильдери́м! Прибавь, о Хасан!»

Но вдруг Азиза, что стояла лицом к востоку, увидела, как начало светлеть небо.

– А как же поединок, о храбрецы, о неустрашимые?! – воскликнула она. – Довольно с нас стихов, они нас утомили! Вам непременно нужно померяться силами и поразить друг друга!

Ильдери́м ударил коня пятками по бокам, я – тоже. И мы мгновенно оказались рядом, и скрестили сабли, и эти два клинка, занесенные над нашими головами замерли, словно спянные навеки, ибо мы глядели в глаза друг другу.

И вдруг оба клинка разлетелись в разные стороны, ибо мы одновременно выпустили их из рук, и они упали на песок ристалища.

– Торопитесь, о бойцы! – приказала Марджана. – У нас совсем мало времени до восхода!

– Проснуться бы поскорее, о Ильдери́м! – сказала я.

– А мне этот сон начинает нравиться, о Хасан, – усмехнулся Ильдери́м. – И я обязательно одержу в нем победу, но не над тобой, а над этими упрямыми джинниями, покарай их Аллах!

Он отъехал, нагнулся с седла и поднял саблю. И я тоже отъехала и подняла клинок, но это был не подарок моего брата Джаншаха, а изделие индийских мастеров. Я хотела было предложить Ильдери́му обменяться оружием, но то, что сказал он, привело меня в ярость.

– Послушайте меня, о джиннии! – обратился Ильдери́м к Азизе и к Марджане. – Мы, я и этот юноша, волей Аллаха – сильные бойцы, мы хотим сразиться и на копьях, и на мечах, и в борьбе с подножками, и в стрельбе из лука. Сейчас мы померялись силами в поэзии, и победа мне далась нелегко, ведь Хасан начитан в древних поэтах, но последнее слово осталось за мной. И пусть это служит тебе утешением, о Марджана, а ты, Азиза, будь уверена, что Хасан наверняка победил бы меня в поединке на мечах и...

– Да оторвет шайтан твой гнусный язык! – воскликнула я, обращаясь к Ильдери́му. – И да засунет он его тебе в... живот! Как это ты одержал победу и последнее слово осталось за тобой? Последними стихами были мои стихи!

– Ты ошибаешься, о Хасан! – отвечал Ильдери́м. – Последний бейт перед нашей схваткой на саблях прочитал я! Так что последнее слово и победа остались за мной!

– Аллах видит, что последнее слово было за мной, ибо мой последний бейт был бейтом несравненного Антара! – возразила я. – И тебе нечего было сказать в ответ, о Ильдери́м!

Вот такую склоку завела я сгоряча, ибо я все же была дочерью царей и сестрой царя, и я не привыкла, что в моем присутствии последнее слово оставалось за кем-то другим. Возможно, меня избаловали наши придворные поэты и мудрецы – Аллах лучше знает... Но важно то, что я не могла вынести слов Ильдери́ма. И в самом деле, почему это купец из Басры должен побеждать в состязаниях царских дочерей? Это был явный непорядок.

– Аллах наделил тебя красотой, но покарал лишением разума, о Хасан! – сердито рявкнул Ильдери́м. И тут только мне стало ясно, что он пустил в ход ловкость и чуть было не помирил двух джинний, а я со своей царской гордостью все испортила.

– И все же последний бейт был моим, – негромко, так, чтобы он не расслышал, пробормотала я.

Но он расслышал.

– Ты не только красив, как женщина, ты еще и упрям, как женщина, о Хасан! – начал перечислять мои грехи Ильдерим. – Ты и бестолков как женщина! Ты и сообразительности лишен, как женщина! Ты только помнишь наизусть свитки стихов, как женщина, и ты не в состоянии сочинить хоть один бейт, как мужчина!

Я онемела.

С помощью наших придворных поэтов я составляла бейты не хуже, чем у них. Были у брата невольницы, писавшие стихи, но это были женские стихи, о разлуке с возлюбленным. Ильдерим же явственно требовал от меня мужских стихов – о божественном, или о конях, или о сечах между воинами. Но я не могла...

– Вот видишь! – подождав моего ответа и не дождавшись, воскликнул этот безумный поэт. – Немало воды утечет, прежде чем мальчики станут мужчинами и освоят мужское ремесло! А теперь прощая, о побежденный мною Хасан, ибо уже утро!

– Мы еще встретимся, о Ильдерим! – грозно пообещала я. – И как сегодня последнее слово на самом деле осталось за мной, так и в будущий раз последний удар саблей останется за мной!

И мне отчаянно захотелось проснуться, чтобы он не ответил мне и не продолжил нашей ссоры.

– Это превосходно, клянусь Аллахом! – воскликнула Марджана. – И вы оба непременно встретитесь следующей ночью! А теперь пора нам расставаться. Бери Хасана, о Азиза, а я возьму Ильдерима. Ведь солнечный свет уже заливают всю землю, и мы сильно рискуем.

Пропал куда-то конь, пропало копьё, а я оказалась в объятиях Азизы, и она понесла меня по воздуху прочь, и я образовалась, что этот нелепый сон вот-вот кончится.

Но Азиза сделала круг над ристалищем, и я увидела сверху, что Марджана поставила среди развалин разноцветный шатер, и невольницы несут к нему кувшины с вином и столики с едой, а самой Марджаны уже и в помине не было, зато из шатра выглядывала женщина вполне человеческого роста и сказочной красоты, и ее распущенные волосы были чернее ночи, и от ее чела исходил свет, и на ней была только зеленая рубашка и еще драгоценные ожерелья и запястья.

А Ильдерим, тоже лишившийся коня и копьё, шел к шатру, но при этом отчаянно тер кулаком глаза. Очевидно, тоже хотел поскорее проснуться. Или проверял – а не проснется ли не вовремя?

И Азиза понесла меня с неслыханной скоростью, и я закрыла глаза, и, кажется, провалилась в сон, но когда я их опять открыла, то поняла, что сон и не кончался.

Мы были в подземелье – я и она. Только подземелье это оказалось не меньше того ристалища. Мраморные колонны поддерживали потолок, расписанный цветами и птицами. У самых моих ног начинались ступеньки, ведущие в огромный бассейн, и вода в нем переливалась радужным блеском, и в золотых сосудах лежали пальмовые листья и бобовая мука, чтобы как следует вымыться, и стояли сосуды с благовониями, и лежала одежда, расшитая золотом и драгоценными камнями. А джинния Азиза, с трудом уместаясь под этим потолком, сидела по ту сторону бассейна и глядела на меня.

Откуда шел свет, я не понимала. Но здесь было светло, как если бы горела тысяча свечей.

– Привет, простор и уют тебе, о Хасан! – сказала Азиза. – Ты можешь освежиться после этой ночи, сменить одежду, а потом нам принесут еду и питье. Смелее, о возлюбленный, о услада моей души! Все здесь принадлежит тебе!

– Что это за подземелье, о Азиза? И зачем мы здесь? – спросила я.

– Это мой подземный дворец. А принесла я тебя сюда для того, чтобы ты стал моим мужем. Когда мы поедим и попьем, сюда придет кади со свидетелями, чтобы составить нашу брачную запись! – решительно сказала Азиза. – А если ты вздумаешь мне возражать, то узнаешь, какие у джинний когти!

И джинния Азиза прилетела с Бади-аль-Джемаль туда, где у нее была назначена встреча с джиннией Марджаной, и они положили на землю купца и царевну и стали спорить, кто из них превосходит друг друга красотой и прелестью. А Бади-аль-Джемаль и Ильдерим открыли глаза, и увидели друг друга, и почувствовали дружбу и приязнь. Но они думали, что все это – пучки сновидений. А потом джиннии дали им коней и оружие, и вывели их на ристалище, чтобы они сразились.

Но Бади-аль-Джемаль и Ильдерим не захотели причинять друг другу вреда. И Ильдерим изобрел против джинний хитрость, и предложил Бади-аль-Джемаль состязаться в знании стихов древних поэтов. И они состязались, пока не настало утро, не причиняя друг другу вреда, а потом джинния Азиза унесла Бади-аль-Джемаль в один из своих подземных дворцов, а Марджана приняла облик красивой девушки, и на ристалище поставили для нее шатер, и она вошла туда с Ильдеримом, и было между ними то, что было. Но только он считал, будто спит. И, несмотря на красоту девушки, в нем возникло желание покончить с этими сновидениями и обратиться к какому-либо из магов за помощью в этом деле.

А Бади-аль-Джемаль оказалась в подземном дворце джиннии Азизы, и Азиза известила ее, что хочет вступить с ней в брак, и что она уже послала за кади. И царевна пришла в недоумение, потому что стать мужем джиннии она не могла, а открыть ей правду о себе она боялась. И она стала развлекать Азизу рассказами и преданиями из преданий древних народов, и они сидели рядом, и невольницы подавали им кушанья и поили их вином, но только царевна вылиwała вино в бассейн. И она ждала подходящего случая, чтобы признаться Азизе в том, что она – тоже девушка.

И вдруг сверху послышался шум, и грохот, и треск, и скрежет, как будто сразились два войска шайтанов. И Азиза вскочила на ноги, и невольницы всполошились и забегали взад и вперед, и было смятение и растерянность.

И Бади-аль-Джемаль спросила Азизу, в чем причина этого. И Азиза отвечала ей:

– О Хасан, я – джинния из рода правоверных джиннов, подданных Синего царя, почитающих Аллаха великого, могучего. И у меня есть двоюродный брат, сын моего дяди, с которым меня в детстве обручили, и в этом году он должен был стать моим мужем. Но вид его мне мерзок и противен, и близость его для меня скверна и отвратительна, и я дала клятву, что никогда не буду его женой, и он не войдет ко мне, и не сокрушит мою девственность. А он настаивает, и преследует, и домогается, и подкупает слуг, и проникает во все щели! И вот каковы мои обстоятельства. Поэтому, о Хасан, тебе придется сейчас спрятаться, пока я буду беседовать с этим несчастным, и нет для тебя ничего лучше этого сундука!

И Бади-аль-Джемаль вошла в сундук, взяв с собой саблю Ильдерима и иные вещи, и сундук накрыли крышкой, и сразу же в подземелье появился джинн. И он имел вид красивого юноши, такого же роста, как и Азиза, и джинн с джиннией стали спорить и пререкаться.

А царевна сказала себе: «Нет мне пути к спасению кроме помощи этого джинна!»

И она приподняла крышку, и стала смотреть, и вдруг она видит – невольники вносят сундуки, и раскрывают их, и показывают джиннии Азизе дорогие ткани, и жемчуг, и сосуды, золотые и серебряные, и ковры и украшения. А все это были подарки ее жениха, но Азиза отказалась их принимать, и спор между джинном и джиннией продолжился. И невольники с невольницами попрятались по углам и скрылись из виду, потому что Азиза и ее жених уже разъярились до последней степени, и Азиза подняла руки, и метнула в своего жениха огненные стрелы, и опалила ему бороду. А он тоже поднял руки, и ответил ей огненной стрелой, и спалил

ее покрывало. И от искр загорелись ковры на полу, и повалил дым от тканей, но Азиза и ее жених не замечали этого. И тогда царица поняла, что настало время действовать.

Она осторожно покинула сундук, куда Азиза спрятала ее от своего жениха, и вошла в другой сундук, откуда невольники вынимали ковры и ткани. И она закрыла за собой крышку и стала ждать, что будет дальше.

И Азиза приказала своему жениху уходить, и он повиновался, и позвал рабов, и они забрали все принесенные сундуки и унесли их. А в одном из сундуков была царица Бади-аль-Джемаль, и она не боялась, потому что думала, будто все эти события – пучки бессвязных сновидений.

И жених Азизы покинул подземелье и полетел по воздуху, а его невольники, которые были маридами, тоже полетели по воздуху и понесли за собой сундуки с подарками. И вдруг один из ангелов Аллаха увидел их сверху. А Бади-аль-Джемаль непрерывно молила Аллаха о помощи и о том, чтобы наконец проснуться, потому что этот долгий сон уже стал ее утомлять. И ангел Аллаха услышал эту мольбу, и кинул огненные стрелы, и они поразили марида, и сожгли некоторых из них, и тот марида, что нес сундук с царицей, опустился на землю, и поставил его между камней, и сам скрылся, чтобы не стать мишенью для стрел ангела. И вся свита жениха Азизы рассеялась.

Тогда царица Бади-аль-Джемаль вышла из сундука, и пошла по тропинке, и тропинка вывела ее к селению, и люди этого селения не понимали языка, на котором говорила царица, а она не понимала их языка. И царица решила, что пора наконец покончить с этим сном. И она вышла из селения, и легла среди придорожных кустов, и завернулась в свой плащ, и положила руку на саблю, и закрыла глаза в надежде, что когда она их откроет, то окажется там, где заснула накануне – возле башни старого мага, который обещал доставить ей каменный талисман царицы Балкис.

Открыв глаза, я сперва не поняла, где я, и обрадовалась, решив, что сейчас поверну голову – и увижу башню мага. Но тут взгляд мой упал на саблю, которую я сжимала и во сне.

Это был клинок Ильдерима.

Он тоже был неплох, работы индийских мастеров, но не чета моему, алмазу из сокровищницы царей. Я смотрела на его рукоять и все яснее понимала, что не было сном ни состязание на ристалище, ни подземелье, ни бегство в сундуке, на которое я наяву вряд ли осмелилась бы. Словом, я находилась непонятно где, не знала языка здешних жителей и даже не могла у них спросить, в какую сторону мне ехать, чтобы вернуться на свой остров. Пусть там правит пятнистая змея Бедр-ад-Дин, пусть там охотятся за мной – но ведь именно туда посланцы мага должны принести талисман. А с талисманом я уже отправлюсь в Багдад – разыскивать Зумруд.

Делать нечего – я вернулась в селение, и сняла с себя кое-что из украшений, и выменяла на них коня, который, как и сабля Ильдерима, был не чета моему Абджару. Но Абджар остался у мага в башне, и у меня не было пути к нему.

Верхом я через несколько дней выбралась на большую дорогу, где то и дело проносились всадники, и по ней тянулись повозки, и невольники проносили носилки, и спешили пешие странники.

Тут я и остановилась ждать – не проедут ли купцы, похожие на путешественников издавна, знающие языки, побывавшие в различных странах, чтобы они поняли меня, а я – их.

И Аллах послал мне таких купцов, от которых я узнала, что нахожусь на дороге, ведущей в Багдад. Воистину, это была злая шутка судьбы – ведь дорога от моего острова до Багдада занимала четыре месяца, и Зумруд еще не привезли сюда, а я уже явилась, хотя и без талисмана.

В огромной растерянности поехала я к городу, не зная, что же мне теперь предпринять. Ведь у меня не было денег, и украшений осталось немного, и я не знала, как теперь раздобыть талисман.

Но Аллах послал мне помощь с той стороны, откуда я меньше всего ее ожидала. Хотя эта помощь иногда казалась мне чреватой серьезными бедствиями и даже моей гибелью.

Как оказалось, джинния Азиза не сразу заметила пропажу. И она решила, что невольники ее жениха прихватили по ошибке не тот сундук. Это меня спасло – иначе, отыскав меня, она бы сперва разодрала меня на клочки своими когтями, а у джиннов и джинний они весьма острые и внушительные, только очень ловко спрятаны, – а потом уже стала бы докапываться до причин и следствий моих поступков.

Она выслала своих слуг в погоню за женихом. Они вернулись, доложив про разгром его свиты и про раскиданные остатки его подарков невесте. Азиза послала невольников по окрестным селениям искать мой труп. Трупа они, разумеется, не нашли, и тогда она поняла, что я жива и нахожусь в бедственных обстоятельствах.

Словом, ничего удивительного не было в том, что когда я присоединилась к каравану, идущему в Багдад, – а ведь что-то же мне надо было делать, я не могла сидеть на дороге и лить слезы, оплакивая свое бывшее могущество! – так вот, когда я вместе с купцами располагалась на ночлег и отошла от костра по вполне естественной нужде, меня подхватили незримые объятия и понесли прочь от каравана и от костра.

Слава Аллаху, сабля была при мне, хотя никакого сравнения с моим утраченным клинком и быть не могло.

– О повелитель красавцев! – обратилась ко мне Азиза, поставив меня на ноги в странном помещении, наподобие пещеры, потолок которой терялся во мраке, а грубые стены были словно наспех покрыты коврами. – О моя отрада, простишь ли ты свою рабыню, допустившую это бедствие и несчастье?

И она опустилась передо мной на колени, причем ее голова продолжала возвышаться над моей головой.

После стычки с Ильдеримом, кое-чему меня научившей, я не стала возражать Азизе, догадываясь, что ее странные речи объяснятся сами собой. И верно, мое молчание подвигло ее на другие речи, покорные и униженные. Таким образом мне стало ясно ее заблуждение, и я возблагодарила за него Аллаха.

– Целую неделю мы были разлучены с тобой, о господин, – причитала Азиза. – Ты не смог встретиться на ристалище с избранником этой распутницы Марджаны! Ты был лишен крова и пищи, и все это из-за меня, неразумной!

И, как следовало ожидать, она решила вознаградить меня за все мои лишения законным браком. Кади и свидетели были припасены заранее и ждали где-то поблизости!

Ее удрученное состояние показалось мне более подходящим для моего признания, чем та отвага и решительность, с которыми она допекала меня в подземелье.

– погоди, о Азиза, выслушай меня, ради Аллаха! – обратилась я к ней. – Брак между нами невозможен. Так судил Аллах великий, могучий, и не нам менять его установления.

– Если у тебя уже есть жена, или даже несколько жен, о повелитель красавцев, пусть тебя это не смущает, – отвечала она. – Я готова стать твоей невольницей. Ибо твоя красота уязвила меня, и нет мне утешения кроме близости с тобой! И ты должен сокрушить мою девственность и насытиться моей юностью!

– О Азиза! – воскликнула я. – Даже если бы мне было дозволено жениться на тебе, то как мы с тобой поладим, если ты высотой в два человеческих роста?

– Каких женщин ты предпочитаешь, о мой господин? – вкрадчиво осведомилась Азиза. – Выше или ниже четырех пядей? А может быть, ты хочешь женщину в пять пядей ростом? И нравятся ли тебе толстые или тонкие? Смуглые или белокожие? Какие груди ты предпочитаешь – похожие на яблоки, гранаты или лимоны? Какие бедра желал бы ты раздвигать – подобные подушкам? Подобные двум кучам песка? Подобные двум мраморным столбам? А что касается

той вещи, что между бедер, то каков твой вкус относительно нее? Какую разновидность ты предпочитаешь?

– Разве ты способна превратиться в женщину по моему вкусу? – спросила я. – И ты готова изменить облик, данный тебе Аллахом?...

– Ну разумеется! – обнадежила меня Азиза. – Ведь делает же это Марджана, когда встречается с Ильдеримом, и каждый раз она иная, так что Ильдерим как бы обладатель гарема.

– Выслушай меня, о Азиза, – приступила я к главной части своего объяснения. – Ты ошиблась в выборе. Тебе бы следовало поискать юношу, который способен стать мужем женщине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.